В.П. Таскаев

ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В СОЦИОЛОГИИ М. ВЕБЕРА

В самом общем значении политические партии представляют собой добровольные организованные объединения людей, придерживающихся общих политических взглядов и стремящихся к их реализации путем завоевания политической власти или, по крайней мере, осуществления перманентного контроля над правительствами, которые ее реализуют. Именно принадлежность системе формирования и функционирования политической власти определяет природу партий как ***политических институтов*** и подчеркивает их принципиальное отличие от других видов общественных организаций (объединений).

Основная проблема социологического изучения института политической партии может быть сформулирована следующим образом. В интересах перехода страны к цивилизованной, подлинно демократической модели политического развития необходимо выяснить объективную *социальную сущность* современных политических партий России, понять, в какой мере они воплощают в процессе своего развития и деятельности черты самодовлеющей *социально-корпоративной организации*, каковы *социальный механизм* их формирования и *природа взаимодействия* с властными структурами.

Предыстория партий как политических институтов яснее всего показывает, в *каком отношении* находятся партии к *государству* и *обществу*. По общепринятой классификации политических институтов выделяют, прежде всего, *государство* и *негосударственные политические институты*, к которым, собственно, и относят политические партии. В эту категорию вместе с партиями попадают и другие типы общественных объединений: группы интересов, профессиональные ассоциации, гражданские инициативы, массовые социальные движения, политические клубы и другие. Причем границы между этими понятиями часто бывают размыты или вовсе не ясны. По-видимому, для того чтобы выделить политические партии из совокупности негосударственных политических институтов, необходимо понять, в каком отношении друг к другу находятся эти понятия.

Значительный вклад в изучение динамики и структурных особенностей развития политических партий внес Макс Вебер. Его методологию анализа социально-политических институтов можно считать

первичной по отношению ко многим концепциям, объясняющим жизнедеятельность партий на рубеже XIX–XX вв. М. Вебер рассматривал весьма заметную уже в его время бюрократизацию политических партий как проявление общей тенденции модернизации и «рационализации» капиталистического общества, которая, наряду с партиями, охватывает и все другие институты общества (экономика, армия, церковь, гражданское и муниципальное управление). В парламентских партиях, основанных на «свободной агитации», М. Вебер усматривал два господствующих принципа деятельности. С одной стороны, партии – это мировоззренческие объединения, стремящиеся служить осуществлению содержательных политических идеалов; «они имеют объективно политические, передаваемые по традиции и с оглядкой на нее – непременно постепенно – модифицируемые цели. С другой стороны, практически все партии стремятся к «ведомственному патронажу» – к занятию их лидерами и их собственными свитами из чиновничьего и пропагандистского аппарата партии руководящих государственных постов политического характера. Последняя тенденция ярче всего проявляется в парламентских государствах при смене правящих партий большинства и в президентских республиках типа США, где победивший кандидат приводит в администрацию свою политическую «команду»; однако, даже в непарламентских государствах влиятельнейшие партии на началах компромисса с господствующей непартийной бюрократией систематически добиваются для своих протеже государственных постов неполитического характера, т. е. осуществляют «косвенный патронаж»[1].

По мере вовлечения партий в избирательную борьбу, как полагал М. Вебер, значение мировоззренческого компонента в их деятельности падает, а значение бюрократической организации, напротив, растет. Тенденцию к бюрократизации социолог отмечал в развитии практически всех партий – от консерваторов до социал-демократов, хотя конкретные формы ее проявления зависели от исходной внутренней структуры каждой партии, принципов ее построения. Мощным стимулом к бюрократизации партий, по Веберу, являлась «растущая рационализация техники предвыборной борьбы» и, следовательно, возрастание роли организации, которая дает возможность немногим принимающим стратегические решения управлять поведением и волеизъявлением значительных масс людей. Именно на качестве организации, в конченом счете, зиждется мощь той или иной партии. По существу, М. Вебер приходил к выводу, что содержательные политические идеалы в жизнедеятельности партий все

[1] См.: *Вебер М.* Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. М., 2003. С. 135–137.

больше уступают место самодовлеющим интересам партийных аппаратов. Он отмечал, в частности, что в Германии начала XX в., например, степень враждебности партий друг другу в большей степени зависела от враждебности аппаратов партийного чиновничества друг другу, чем от различий в их программах. Точно так же возможность раскола той или иной партии в большей степени зависела от наличия у новоявленных лидеров собственной избирательной «машины» доверенных лиц, чем от их принципиальной идеологической непримиримости. Видимая идеологическая «бессодержательность» меж- и внутрипартийного соперничества не означает, однако, что оно не имеет никакого политического содержания. Подобно тому, как принципы бюрократической «рационализации» пронизывают все капиталистическое общество, устраняя из него все культурно-идеологические разности, фундаментальный интерес партийной бюрократии во все большей степени определяет технический доступ к государственной власти и доставляемым ею статусным и материальным привилегиям.

М. Вебер одним из первых поставил проблему взаимопроникновения складывающейся в партийных организациях иерархии с социальной структурой общества. Как и во всех других общественных институтах, в партиях бюрократия приобретает черты специализации и профессионализации, однако время от времени и в разнообразных формах она вступает в альянсы с представителями других сегментов элиты («знатные лица»). В частности, партии как средство для своей рекламы привлекают к своей поддержке различных «уважаемых граждан», «ведущих ученых мужей» и т. п., которые играют в партийной жизни роль декоративного элемента (по словам Вебера, «отделки и витрины»). М. Вебер считал, что этот политический прием особенно характерен для слабых, недостаточно организованных и бюрократизированных партий, которым недостает прочной властной обусловленности своего существования, однако он предвидит ситуацию, когда частные и общественные бюрократии сольются в некое подобие правящего слоя, которому будет подчинена вся «сословная» организация подвластных групп. В результате создастся нечто похожее на «египетско-восточное» членение общества, однако, в отличие от патримониальной бюрократии древности, современная бюрократия будет строить свою деятельность на строго рациональной основе[2]. В этом эскизе возможного будущего М. Вебер гениально уловил одну из тенденций общественного развития начала XX в., которая вскоре нашла свое воплощение в тоталитарной модели государства, где государственная и партийная власть окончательно

[1] См.: *Вебер М.* Политические работы (1895–1919). С. 138–139, 143–144.

слились, а принадлежность к партийной бюрократии приобрела черты социального класса. Таким образом, от символико-идеологических связей с широкими и достаточно произвольными констелляциями социально-групповых интересов и предпочтений (причем не только сугубо социальных или экономических, но и этнических, религиозных, профессиональных и др.) партийные бюрократии в тенденции способны «врастать» в структуру непосредственно-социальных интересов экономически (деньги) и политически (государственное чиновничество) господствующих групп общества, образуя один из элементов его сложной, богатой оттенками социально-корпоративной структуры.

Тем не менее, несмотря на все угрожающие аспекты растущего всевластия бюрократии (включая партийную), М. Вебер считал, что в демократическом обществе с конкурентной электоральной системой партии даже при высокой степени бюрократизации продолжают выполнять важные функции и в каком-то смысле являются необходимым и оптимальным инструментом политики. С одной стороны, социолог скептически оценивал популярные в его время предложения о замене оторвавшихся от масс партий институтами непосредственной демократии в лице пропорционально представленных в органах власти профессиональных корпораций, полагая, что последние – с их цеховым консерватизмом – будут еще менее, чем бюрократизированные партии, способны динамично и гибко отражать изменчивую структуру социальных интересов, а тем более профессионально ставить и разрешать сугубо политические проблемы. В то же время Вебер отмечал, что положение политического инкумбента в системе государственной власти все-таки существенно отличается от положения профессионального чиновника: как бы ни был первый свободен от обязательств выражать интересы партийной массы, он все-таки сохраняет известную свободу принятия решений и самостоятельный голос, в то время как чиновник-профессионал, связанный жесткой дисциплиной подчинения, этой возможности начисто лишен. Тем самым присутствие партийных инкумбентов во власти в известной смысле спасает последнюю от издержек тотальной «рационализации» и полного окостенения. (На примере США М. Вебер убедительно показал, что динамизм общественного развития в этой стране был во многом связан с существенным перевесом сменяющих друг друга в системе власти политических «команд» над неполитической профессиональной бюрократией.)

По существу, в своих взглядах на природу политических партий М. Вебер подчеркнул их двойственность. Партию не могут заменить на политической сцене ни спонтанная активность масс, ни профессиональное государственное чиновничество; хотя партии тесно со-

прикасаются и с тем, и с другим, в их функциях и способах действия всегда существуют значимые отличия, общая конфигурация которых оттеняет облик партии как целостности и как посреднического института во взаимодействии гражданского общества и государства. Однако при сложной структурированности партий, все более резком разделении их на руководящую партийную элиту и партийную массу их функции оказываются недостаточно интегрированными и обращены к разным смысловым ориентирам. Так, функции интеграции и мобилизации массовых групп поддержки, а также структурирования голосования развернуты в сторону представительства разнообразных интересов гражданского общества, в то время как функции рекрутирования политических вождей и аппарата, их политического «воспитания» обращены реально к целям отправления власти.

В дальнейшем работы М. Острогорского, Р. Михельса, М. Дюверже уже в более или менее четком виде сформулировали взгляд на партии как на общности, консолидирующиеся не столько на основе общих социально-идеологических ценностей, сколько на базе определенной организационной структуры внутригруппового взаимодействия и, в тенденции, все больше приобретающие замкнуто-самодовлеющий («олигархический») характер. Иначе говоря, можно предполагать, что принадлежность к партии отнюдь не связана только с возможностью для индивида реализовать свои политические убеждения, но обладает самостоятельностью ценностью, каковой является для него включение в определенные группировки социальных связей. А поскольку перед другими видами социальных объединений партии обладают одним исключительным преимуществом – легальным доступом к системе политической власти, то их вполне можно трактовать как специализированные социальные объединения, чьей главной целью становятся коллективные выгоды, которые могут быть получены через прямой доступ к власти. В этом контексте партия в своей деятельности реализует не столько то, что открыто манифестируется в ее идеологической доктрине и политической программе (борьба за интересы поддерживающих данную партию социальных групп), сколько то, что отражает неформальный смысл ее существования, – собственный групповой интерес. Очевидно, что эту сторону деятельности партий может адекватно отразить как раз не столько анализ их участия в открытом политическом процессе, сколько углубленный социологический анализ внутригрупповых отношений и практик.

Доминирование именно этого аспекта в жизнедеятельности политических партий наглядно подтверждает и необычайно бурный процесс партийного строительства в Российской Федерации в 1990-х гг.: основные политические партии сформировались здесь гораздо рань-

ше, чем могла бы (даже гипотетически) возникнуть определяющая их политическое лицо новая социальная стратификация общества. Зато на этапе решающих структурных реформ (приватизация, либерализация экономики и т. п.) совершенно особую, гипертрофированную ценность приобретала возможность прямого доступа к политической власти, разрабатывающей новые законы, распределяющей бывшую государственную собственность и определяющей пути дальнейшего развития общества. В этих условиях партии не могли не формироваться, прежде всего, как обслуживающие интересы своих членов социально-корпоративные группировки.